

Викентий Вересаев

Проездом

Викентий Вересаев

Проездом

«Public Domain»

1903

Вересаев В. В.

Проездом / В. В. Вересаев — «Public Domain», 1903

«– Ну, еще раз, прощай!.. Прощай, моя милая, милая!..Ширяев прижимал к груди голову Катерины Николаевны и целовал ее лоб, где от него отходили мягкие волосы. В просвете между березами, над пчельником, светил месяц. Березы перед месяцем казались черными, а воздух за ними – прозрачно-синим и очень глубоким. Пахло спелую рожью...»

Викентий Вересаев

Проездом

– Ну, еще раз, прощай!.. Прощай, моя милая, милая!..

Ширяев прижимал к груди голову Катерины Николаевны и целовал ее лоб, где от него отходили мягкие волосы. В просвете между березами, над пчельником, светил месяц. Березы перед месяцем казались черными, а воздух за ними – прозрачно-синим и очень глубоким. Пахло спелую рожью.

Катерина Николаевна подняла голову и шепнула:

– Погоди, идет кто-то!

Они осторожно подались в темноту. Но в саду стояла глухая июльская тишина, и ничего не было слышно. Из темноты высывались лапчатые ветви липового куста, от лунного света они казались серыми.

Ширяев громко сказал:

– Э, трусиха! Никто не идет.

И обнял ее за плечи. Они стояли так в темноте. Он чувствовал сквозь сукно студенческой тужурки, как она прижалась к нему. Обоим было необычно, слегка стыдно и сладко от этой близости.

Катерина Николаевна медленно отстранилась.

– Ну, ждут чай пить, пойдем! А то хватятся нас. – И тихо шепнула на ухо: – Завтра утром я встану тебя провожать.

Улыбаясь, он повторил: – *Тебя.*

– Ты, тебя, тобою, о тебе... – отдельно сказала Катерина Николаевна и с шаловливым вызовом глядела ему в глаза. Оба чувствовали себя, как дети. Хотелось говорить глупости. И Ширяеву радостно было видеть этот детски-шаловливый блеск в ее глазах, всегда серьезных и как будто вслушивающихся.

В конце темной липовой аллеи ярко светились окна дома, слышался говор, смех, звяканье чайной посуды. Ширяев и Катерина Николаевна медленно шли в темноте, прижавшись друг к другу. И Ширяеву казалось, – никогда еще ни у кого не было такого счастья, как у них.

Они вошли в залу. Он – плотный и слегка сутуловатый, с большою головою. Она – тонкая и гибкая, казавшаяся от этого выше его. Все мельком внимательно взглянули на них. Они думали, что никто ничего не замечает, а любовь и счастье так и сияли на их лицах.

Студент Алексей Болотов, брат Катерины Николаевны и товарищ Ширяева, разговаривал с земским врачом Корневым. Алексей говорил быстро, слегка запинаясь и размахивая руками. А доктор, с загорелым лицом и взглядом исподлобья, лениво курил папиросу за папиросой и ворчащим голосом задавал вопросы.

Ширяев прихлебывал из стакана чай и прислушивался к разговору. Доктор расспрашивал Алексея с интересом, но за всеми его расспросами и возражениями чувствовалось что-то тускло-серое и бездеятельно-скептическое. Было странно слушать его, как будто в яркий весенний день он доказывал, что небо обложено тучами и моросит вялый, бессильный осенний дождь. Жена доктора – худая, с узким, болезненным лицом – поддерживала Алексея против мужа. Но все, что она говорила, было шаблонно и неинтересно.

В разговор втянулись Катерина Николаевна и Ширяев. И у них, и у доктора, казалось, были одинаковые желания, одинаковые цели. Но, когда о них говорил доктор, его слова были похожи на сухие червивые орехи. А в устах его противников эти же слова становились живыми и горячими, полными волнующего смысла. И двум слушавшим гимназисткам, сестрам Катерины Николаевны, тоже стало странно от осенне-вялого настроения доктора.

Ширяев большими шагами расхаживал по зале. В раскрытые окна тянуло все тем же широким, сухим запахом спелой ржи. Месяц светил сквозь липы, за ними чувствовался вольный, далекий простор. Доктор, сгорбившись,пил крепкий, как темное пиво, чай, непрерывно курил и затушивал папиросы в блюдечке. От окурков на блюдечке стояла коричневая слякоть. Загорелое лицо доктора было темно, как будто от табачной копоти. И так весь он казался чуждым широкому простору, который тянулся за окнами...

Марья Сергеевна, жена доктора, сказала:

– Коля, пора ехать.

Доктор покосился на нее.

– Сейчас.

На помолодевшем и оживившемся лице Марьи Сергеевны играла легкая улыбка победительницы. И доктор самолюбиво чувствовал, что его возражения оказались в глазах всех пустыми и ничтожными.

Он вздохнул и обратился к матери Катерины Николаевны:

– Что ж, Анна Павловна, налейте на прощание еще стаканчик.

– Да куда вам спешить, посидите еще!

Чтоб не дать доктору времени согласиться, Марья Сергеевна поспешно отказалась.

– Нельзя, Анна Павловна, детишки дома ждут. У Феди второй день жарок, мне и то не по себе.

Доктор не спеша помешивал ложечкою в стакане и курил. Он лениво сказал Ширяеву:

– А я к вам как-то, Виктор Михайлович, заходил в Томилинске. В конце июня.

– Это... позвольте! – вспомнил Ширяев, – после обеда вы зашли, сказали кухарке, что будете вечером?

– Да, да.

– Так это вы были... Отчего ж вы меня не вызвали? Ведь я дома был.

– На двор нужно было заходить, а кухарка у ворот сидела.

Ширяев засмеялся.

– А вечером так и не зашли. Я весь вечер просидел, ждал. – Он не прибавил: «И ругался, потому что нужно было уйти по делу».

– У приятеля, знаете, засиделся. Члена управы. То, се, спохватился – одиннадцать часов... А вы скоро назад в Томилинск?

– Завтра утром.

Доктор оживился.

– С пассажирским? Слушайте, так поезжайте с нами сейчас! Ведь мы в четырех верстах живем от станции. Поедем вместе, переночуете у нас, а утром ровно к десяти я вас доставлю на станцию. Завтра у меня приема нет, как раз в ту сторону нужно ехать к больному.

Ширяев в замешательстве крутил бородку.

– Не знаю, право...

Ему было куда приятнее провести вечер с Катериной Николаевной. Марья Сергеевна очень обрадовалась.

– Нет, правда, Виктор Михайлович, поедемте! Отлично проедемся. Попьем чайку у нас...

Катерина Николаевна возразила:

– Да у вас и сесть-то негде. Ведь вы на маленькой тележке приехали.

– Ну, пустяки какие! На козлах можно, – сказал доктор. – Хотите, я сяду? А тут, наверно, лошади нужны рожь возить. Что их напрасно за пятнадцать верст гонять! Верно ведь? – обратился он к Анне Павловне.

– Лошади-то тут, положим, ни при чем, – сдержанно ответила Анна Павловна, но Ширяев уловил в ее голосе, что она не против предложения доктора.

Он беззаботно сказал:

– Ну, ладно, все равно!

Марья Сергеевна попросила, чтобы велели запрягать тележку. Катерина Николаевна вышла на балкон. Следом незаметно вышел и Ширяев. Они близко друг от друга облокотились о решетку. Он в темноте положил руку на ее руку и тихо гладил.

– Зачем ты согласился ехать?

– Как было отказаться? Неловко... Эх, хорошо у вас тут. Как хорошо!

Ширяев глубоко дышал. И от запаха ржи в саду, и от сдвигшегося за рекою месяца, – от всего несло счастьем и полною, радостною жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.